

DOI: 10.22363/2312-8313-2019-6-3-177-192

Научная статья

Государство и «рентная экономика» в странах – экспортерах нефти

Г.Л. Гукасян

Институт востоковедения РАН
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В новых внешнеэкономических условиях, сложившихся в результате значительной деформации циклической динамики мирового рынка нефти, определенный интерес представляют взгляды на модель так называемого «рентного государства» и «рентной экономики», распространяемые на страны – экспортеры нефти Азии, Африки, Латинской Америки, а также на государства постсоветского пространства, включая Российскую Федерацию, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан. Для отмеченных государств в условиях снижения доходов от экспорта нефти вопрос об изменении «рентной модели» развития является актуальным. При этом рекомендации зарубежных авторов во многих аспектах не являются приемлемыми, но их анализ позволяет более разнопланово осмыслить проблемы преодоления «сырьевого характера» экономики.

Ключевые слова: «рентное государство», «рентная экономика», страны-экспортеры нефти, мировой рынок нефти, патернализм, стабильность, диверсификация, не нефтяной сектор, экономическая структура, бюджет

Рассматривая так называемую «рентную экономику», следует отметить, что в трудах англоязычных авторов термины «рентное государство» и «рентная экономика» изначально связывались со странами – экспортерами нефти Ближнего Востока. Известный арабский ученый и политический деятель Хазем аль Баблауи определил ренту как «доход, получаемый от природных ресурсов». Термин «рентное государство», вероятно, впервые был применен Хуссейном Махдави в отношении Ирана еще до Исламской революции в Иране. Автор определил «рентное государство» как государство, получающее существенное количество рентного дохода от других государств или ино-

© Гукасян Г.Л., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

странных субъектов, т.е. из-за рубежа. По мнению Махдави, данный доход никак не связан с производственным процессом внутри страны. При этом, по его мнению, даже взимание платы Египтом за проход судов через Суэцкий канал можно считать рентным доходом. Благодаря подобной ренте «рентное государство» получает возможность финансировать государственные расходы без взимания налогов с населения или с минимальным налогообложением. Вследствие этого в таких государствах правительство превращается в движущую силу экономики вместо производственных секторов, а государственный сектор сильно разрастается. Причем для «рентного государства» весьма болезненной выступает проблема экономического развития и диверсификации, что особенно заметно в странах – экспортерах нефти, где только в периоды падения мировых цен на нефть наблюдались выраженные попытки экономической диверсификации [1. С. 432–434].

Хазем Баблауи и Джакомо Лучиане также стали одними из первых авторов, глубоко задавшихся вопросом влияния получаемой извне ренты на тип государства, политического режима и экономической структуры страны. По их мнению, не заработанные внутри страны потоки доходов, стекающиеся исключительно к правительственным кругам, искажают политическую и экономическую структуру государства, в результате чего консервируется неразвитость государственной системы. Препятствием для демократического изменения системы, прежде всего, является контроль правительственных кругов над природными богатствами, который обеспечивает фискальную независимость государства от налогов и от необходимости осуществлять «налоговое давление» на население. Через социальный патронаж власти покупают лояльность населения. В трудах Х. Баблауи и Дж. Лучиане проводится некоторое разграничение между понятиями «рентное государство» и «рентная экономика». Так, они не приветствуют понимание «рентного государства», как государства, получающего значительную часть государственных доходов от природной ренты. Эти авторы предпочитают рассматривать «рентное государство» с экономической точки зрения через понятие «рентной экономики»: под ней понимается экономика, существенно поддерживаемая путем государственных расходов, в то время как само государство обеспечивается за счет ренты, получаемой из-за рубежа. В подобном типе экономики природная рента играет ведущую роль, а «рентное государство» понимается как подсистема «рентной экономики» [2. С. 11]. Вместе с тем ряд авторов трактуют и налоговые доходы государства как своего рода рентный доход, однако, когда речь идет о «рентном государстве», под рентой в литературе традиционно понимается природно-ресурсная рента. Действительно, налоговые доходы охватывают налоги на землю, добычу и экспорт полезных ископаемых, но в случае стран – экспортеров нефти и газа значительные платежи, формируемые за счет отчислений от экспорта углеводородов, включая прямые отчисления контролируемых государством нефтяных компаний, можно отнести к понятию природной ренты.

При этом важнейшая функция «рентного государства» состоит в аккумуляции и распределении ренты, причем происходит гипертрофированное укрепление вертикальных связей, вместо горизонтальных отношений в обществе между экономически независимыми субъектами. В странах – экспортерах нефти движение цен на нефть и величины политической свободы происходит в различных направлениях. Так, например, во время «нефтяного бума» 2000–2007 гг. доходы от нефти стран региона Ближнего Востока и Северной Африки возросли в 4 раза, и большинство стран-экспортеров нефти региона увеличили объемы накопления, а также нарастили доли размещаемых в рамках суверенных фондов накопленных за счет активного сальдо платежного баланса инвалютных резервов. Рентная модель развития этих стран не подверглась изменению. В этот период данными государствами осуществлялось наращивание субсидирования экономики и населения, повышение заработной платы в государственном секторе и увеличение инвестирования в инфраструктурные проекты.

В литературе также выражается мнение о том, что в странах – экспортерах нефти с «рентной экономикой» финансовый сектор выполняет функцию осуществления «олигархического контроля» над негосударственными субъектами экономики через финансирование из государственных финансовых фондов различных институтов [3. С. 41–57]. Нефтяная рента принесла стабильность в страны Персидского залива, так как доходы от экспорта нефти были перераспределены различным слоям населения, которое стало ощущать зависимость своего благосостояния от деятельности государства. Государство обеспечило в этих странах бесплатное образование и здравоохранение, значительное субсидирование жилищно-коммунальных услуг, установило и поддерживало систему социальных выплат и пособий, трудоустройство в госсекторе.

В XX веке наложение периода распада колониальной системы на Ближнем Востоке на период обнаружения и начала разработки крупных запасов нефти также поспособствовало формированию рентных государств, поскольку традиционные системы правления, при отсутствии как демократических структур в политической системе, так и элементов рыночной экономики при освобождении от колониализма получили в виде нефтяной ренты мощную финансовую опору. Она обеспечила легитимизацию режимов и закрепление принятой системы государственного управления, в которой происходила дальнейшая экономическая модернизация. В странах Аравийского полуострова монархические режимы в этих условиях обрели статус ведущей силы экономической модернизации, претворяя в жизнь свои схемы модернизации в условиях патерналистской государственной системы.

В зарубежной литературе мы находим и мнение о том, что уровень развития культуры и экономики является важным фактором, который обуславливает наличие или отсутствие рентной модели экономики: приводится довод о том, что патерналистская или «клиентелистская» экономика, осно-

ванная на нефтяной ренте, в полной мере присуща таким странам, как Саудовская Аравия, Иран, Ливия, Катар, Кувейт, но не присуща Норвегии, США и ряду других стран. Это объясняется наличием в последних развитой системы контрактных отношений и равных прав доступа к рынку, в которой субъекты получают свои доходы от деятельности через контрактные отношения. Как заявляется, проведенное обследование 150 стран в период 1973–2000 гг. показало, что страны с развитой системой контрактных отношений обладают «иммунитетом» от рентной зависимости экономики [4. С. 72]. Отметим, правда, что в отношении Норвегии фактор рентной составляющей экономического развития остается важным.

Разумеется, при анализе отмеченных подходов к трактовке рентного государства в странах – экспортерах нефти необходимо учитывать уникальные особенности стран. Так, например, в Иране модель национального рентного государства в полной мере сформировалась позднее, чем шах Реза Пехлеви начал осуществлять свою программу модернизации, поскольку шах являлся ставленником западного мира и осуществлял широкий доступ иностранных компаний в иранскую экономику, одновременно поддерживая жестокий репрессивный механизм подавления оппозиции. Это при определенном стечении обстоятельств выступило важной причиной Исламской революции 1979 г., которая отчасти выступала борьбой местных элит за нефтяные ресурсы, совпавшей с процессами демонтажа колониальной системы (при всех прочих нюансах) [5. С. 34–37]. В Ираке рентная модель развития также являлась ярко выраженной при режиме Саддама Хусейна и остается в настоящее время базовой моделью экономики, находящейся в тяжелом состоянии после военных действий. Однако сам приход к власти С. Хусейна слабо объясним с точки зрения теории «рентного государства». В Ливии при режиме Муаммара Каддафи была внедрена модель государства народовластия – Джамахирии, экономика которого также была основана на распределении нефтяных доходов. Данные особенности говорят о необходимости учета конкретных исторических условий развития при трактовке политической системы рентных государств на Ближнем Востоке.

В экономическом аспекте масштабы рентной экономики в странах-экспортерах нефти измеряются, прежде всего, через размер доли государственных доходов, формируемой из доходов от нефти. Дж. Лучиане определил границу, за которой экономику можно считать рентной, – это достижение упомянутой долей величины в 40%. Распространенное понимание рентной экономики, в дополнение к упомянутым выше финансово-экономическим основам рентного государства, основывается и на известной «Голландской болезни». Последняя, как известно, описывает анклавное развитие экономики страны-экспортера нефтегазового сырья, в которой нефтяная индустрия испытывает «расцвет, но мало связана с остальными секторами хозяйства, не способствует росту производства в других отраслях национальной промышленности» [6. С. 78]. Население в рентных государ-

ствах не готово к производительному труду и предпринимательским рискам, в производстве занята в основном иностранная рабочая сила, местные коммерческие классы не стали движущей силой экономического развития, поскольку не прошли капиталистическую эволюцию. Эти классы в условиях рентной экономики зависимы от перераспределения нефтяной ренты государством через государственные контракты, заказы, субсидии.

Однако в настоящее время устоявшиеся подходы теории рентного государства и рентной экономики подвергаются сомнению. Так, сирийский автор Касем Ислам Ясин отмечает, что сторонники этой теории, объясняя политическое положение в странах – экспортерах нефти, используют сомнительную упрощенную логику, не идя дальше концептуализации и описательного анализа предполагаемой связи между природной рентой и стабильностью политического режима при отсутствии процесса демократизации, что и является слабостью их концепции. На самом деле подобные подходы далеко не всегда подтверждались в условиях современных флуктуаций на мировом рынке нефти. Так, в противовес утверждениям Баблауи и Лучиане, на основе исследования ситуации в 107 странах за период 1960–1999 гг. Б. Смит пришел к выводу, что в долгосрочном периоде не подтверждается наличие четкой связи между политической стабильностью арабских режимов и величиной нефтяной ренты. На примере Саудовской Аравии теория рентного государства также не показала работоспособность, поскольку, например, в середине 1980-х гг. в условиях падения цен на нефть стабильность саудовского правящего режима сохранялась, а определенные проявления оппозиции наблюдались, наоборот, в периоды повышения цен на нефть. В этой связи механизм причинно-следственной связи между рентой и покупкой легитимности, являющийся основой теории рентного государства, вызывает сомнения [7. С. 30–31].

Конечно, падение и нестабильность мировых цен на нефть, наблюдаемые в период с 2014 года, значительно усложняют осуществление программ экономического развития таких стран, как Саудовская Аравия, также как и других традиционных экспортеров нефти, включая Россию, однако в Саудовской Аравии ярко выраженных признаков политической дестабилизации пока не наблюдается, в основном проблемы атак на нефтяные мощности страны были вызваны втягиванием Саудовской Аравии в йеменский конфликт.

Серьезные аргументы против теории рентного государства, приписываемой развивающимся странам – экспортерам нефти, содержатся, в частности, в публикации Эмили Рутледж из Университета Объединенных Арабских Эмиратов. Она отмечает, что под рантье, как у Ленина, так и у Кейнса, понимались не собственники земли или природных ресурсов, а в большей мере представители финансового капитала. В том, что касается нефтяной индустрии, вопрос ренты был поднят в 1960-е годы, когда нефтяные месторождения стран Ближнего Востока и Латинской Америки стали в ходе национализации выводиться из-под контроля международных нефтяных монопо-

лий. При этом был поднят вопрос о ренте за истощение природных запасов, которую должен получать их владелец (народы стран, в которых находятся природные ресурсы). Но к этой ситуации неприменимо исходное значение слова «рента», происходящее из французского языка и означающее частный доход (практически во всех языках «рента» изначально понималась как процентный доход на капитал) [8. С. 3, 9]. При этом сторонники концепции рентных государств не хотят принимать во внимание факт того, что главными субъектами, которые породили рентные отношения в сфере нефти, являются развитые страны – потребители нефти, их правительства, международные нефтяные монополии и энергетические организации промышленно развитых государств. Теория рентных государств была необходима последним для организации политического противостояния с ОПЕК и либерализации мирового рынка нефти. Так, Киссинджер в его мемуарах пишет, что в США как администрация Никсона, так и администрация Форда сделали едва ли не высшим приоритетом внешней политики задачу добиваться снижения цен на нефть и ослабления власти ОПЕК над мировым рынком нефти, и данная стратегия была не только экономической, но и политической, а также идеологической. Не раз вводившиеся со стороны США и других стран Запада санкции против Ирана с его рентным характером экономики были направлены, прежде всего, на его нефтяной сектор, с целью экономически ослабить Иран и одновременно подорвать позиции опирающихся на ренту правящих элит. Успех санкций мог снизить экономический рост Ирана на 2,4%, а в случае неуспешного осуществления санкций торможение экономики Ирана оценивалось американскими экспертами примерно в 1%. В 2012–2014 гг. снижение курса иранского риала из-за санкций оценивалось в размере 56%, а рост инфляции чуть ли не в 50%, согласно отчетам исследовательской службы Конгресса США [9. С. 12].

При Рейгане Национальным нефтяным советом США (US National Petroleum Council) активно проводилась стратегия запретов на оказание технического содействия государственным нефтяным компаниям стран ОПЕК, которые объявлялись неэффективными, и, по мнению консультантов из США и Великобритании, должны были подвергнуться широкому разгосударствлению с допуском к участию в их капитале зарубежных нефтяных монополий, прежде всего из США и Великобритании. В тех же целях развитые страны стали навязывать через Международное энергетическое агентство (МЭА) идею о том, что опора на доходы от нефтяной ренты является негативным фактором развития [10. С. 11–12].

На самом деле мнение о неэффективности государственных или имеющих государственное участие нефтяных компаний стран – экспортеров нефти повсеместно не подтверждается. Так в 2018 г. государственная нефтяная компания Саудовской Аравии Saudi ARAMCO стала самым крупным и прибыльным в мире предприятием, ее прибыль составила 111 млрд долл., что больше, чем прибыль компании Apple (59 млрд долл.) и в четыре

раза больше второй в мире нефтяной компании, Royal Dutch Shell, получившей прибыль в размере 23 млрд долл. [11]. Не менее важны и данные о технической эффективности национальных нефтяных компаний незападных стран в сравнении с компаниями западных: по результатам исследования P.R. Hartley, за период с 2001 по 2009 год средний индекс эффективности акционерных (в основном частных) нефтяных компаний возрос с 0,729 до 0,746; национализированных компаний – с 0,518 до 0,616, а частично национализированных – с 0,610 до 0,749 (а доля государственного капитала в последних возросла с 0,494 до 0,589) [12. С. 17].

Имеются веские причины, по которым страны, обладающие минеральными ресурсами, самостоятельно осуществляют контроль над этими ресурсами через правительство и используют их в интересах собственной стратегии развития, включая финансирование социальных потребностей. Но, по сути, и на стороне стран – производителей нефти, и на стороне стран – импортеров (потребителей) государство выступает ключевым субъектом контроля за глобальным рынком нефти. Таким образом, нефтяная рента в международных экономических отношениях выступила платой за истощение ресурсов и механизмом получения справедливой оплаты за эти ресурсы странами их производителями.

Теории рентного государства, помимо отмеченного, не приспособлены к осмыслению новых экономических сдвигов в ряде стран Персидского залива, таких как эмираты, входящие в состав ОАЭ – Абу Даби и Дубай, королевство Бахрейн, отчасти Катар, где в последние два десятилетия отчетливо наблюдаются сдвиги в сторону инновационных моделей экономического развития, перевода экономики на инновационные рельсы с использованием новых технологий и достаточно заметное привлечение инвестиций в инновационные сектора хозяйства. В этой связи были предложены теории «позднего рантьеизма», сосредоточенные на новых аспектах развития монархий Персидского залива. Эти теории допускают параллельное существование в данных государствах элементов «рентной» и «не рентной» экономики и экономической политики, рентных и не рентных аспектов социальных отношений, международных, в т.ч. внешнеэкономических отношений, что во многом диктуется процессами глобализации [13. С. 18–19].

Тем не менее, экономические и социально-политические основы стабильности в странах – экспортерах нефти, особенно в таких, как монархии Персидского залива, с их монокультурным характером «нефтяной экономики», сильно связаны с величиной доходов от экспорта нефти.

Не исключением среди «рентных экономик», с точки зрения ряда зарубежных авторов, являются экономики стран – экспортеров нефти на постсоветском пространстве, прежде всего, экономики России и Азербайджана, а «рентной экономикой» на основе природного газа является Туркменистан. Согласно классификации по уровню доходов государственного бюджета, получаемых от нефти и газа, Азербайджан и Россия этими авторами отно-

сятся к классическим рентным государствам, где, по классификации, более 40% доходов госбюджета формируется за счет доходов от нефти. (Отметим, однако, что Россия находится в каком-то пограничном состоянии «рентной экономики», то есть близка к границе этого порога, т.к. доля нефтегазовых доходов в бюджете превышает 40-процентный рубеж на несколько процентов (Табл. 1). Если же взять для сравнения Саудовскую Аравию, то наблюдаются бюджетные показатели классического государства с рентной экономикой (Табл. 2).

Таблица 1

Показатели трансформации структуры доходов государственного бюджета Российской Федерации (млрд рублей)

показатель*	2018	2019	2020	2021
ДОХОДЫ, ВСЕГО	18747,5	19969,3	20218,6	20978,0
% ВВП	18,5	18,9	18,3	17,7
НЕФТЕГАЗОВЫЕ ДОХОДЫ	8714,3	8298,2	7963,3	8018,2
% ВВП	8,6	7,8	7,2	6,8
из них:				
завершение налогового маневра в нефтегазовой отрасли и введение НДС		-93,2	174,8	371,6
Базовые нефтегазовые доходы	4699,4	4929,1	5159,3	5386,2
завершение налогового маневра в нефтегазовой отрасли и введение НДС		-1,3	54,9	108,7
НЕНЕФТЕГАЗОВЫЕ ДОХОДЫ	10033,2	11671,1	12282,3	12959,8
% ВВП	9,9	11,0	11,1	10,9
Связанные с внутренним производством	5188,2	5916,3	6216,4	6577,9
НДС на товары, реализуемые на территории Российской Федерации, в т.ч.:	3446,5	3986,4	4279,3	4609,4
повышение ставки НДС с 18% до 20%		256,9	359,8	387,5
Акцизы на производимые товары	845,2	969,6	959,1	948,8
Налог на прибыль	896,5	960,3	978,0	1019,7
Связанные с импортом	3151,8	3667,5	3916,9	4204,6
НДС на ввозимые товары	2432,7	2913,3	3115,9	3348,7
в т.ч.: повышение ставки НДС с 18% до 20%		268,5	287,1	308,6
Акцизы на ввозимые товары	95,7	98,7	106,3	111,9
Ввозные таможенные пошлины	623,4	655,5	694,7	744,0
Прочие доходы	1693,2	2087,3	2149,0	2177,3

*оценка, запланированные показатели. Источник: [14. С. 66–67].

При сопоставлении характеристик бюджетных доходов России и Саудовской Аравии у Саудовской Аравии заметна весьма высокая «рентная» составляющая, причем доля налоговых доходов государства составила в 2018 г. лишь 18,5% в общих доходах, а на 2019 г. повышение практически не было заложено.

Таблица 2

Показатели трансформации структуры доходов государственного бюджета Саудовской Аравии

Доходы (млрд сауд. риалов)	Действительные	По гос. бюджету	Оценка	Изменение за год	По гос. бюджету	Проект	
	2017	2018	2018	Оценка за 2018 г., по сравнению с действительными за 2017 г.	2019	2020	2021
Всего, доходы	692	783	895	29,4%	975	1005	1042
Налоговые доходы	87	142	166	89,4%	183	194	201
налоги на доходы, на прибыль, доходы на капитал	14	16	16	14,9%	15,8	17	17
налоги на товары и услуги, включая НДС	39	85	113	Более 100%	132	141	145
внешнеторговые и внешнеэкономические налоги и сборы	19	25	16	-14,8%	17	18	18
Прочие налоги	15	17	20	31,1%	17	18	19
Прочие доходы	604	641	729	20,7%	791	810	840

* 2019 г. – по проекту бюджета. Источник: [15. С. 27].

Зарубежные авторы, чье мнение приводится в данном случае по Азербайджану и России, отмечают также, что, на первый взгляд, данные два государства выигрывают от наличия природной ренты, потому что правительства осуществляют долгосрочные программы инвестирования доходов от экспорта углеводородов на цели экономической диверсификации. В то же время часть этих доходов направляется в фонды стабилизации, с целью сокращения инфляции и поддержания резервного фонда на случай экономического кризиса. Однако приведенные авторы критически смотрят на будущее состояние экономики Азербайджана и России, в частности, ими отмечается, что Азербайджан не использует свои экономические возможности развития из-за плохого качества государственного управления в условиях нацеленности правящих элит на получение доходов от нефтяной ренты. Движимый рентой экономический рост, безусловно, содержит риски нестабильности, которые в полной мере проявляются в условиях экономических кризисов. В периоды экономических кризисов потери в экономическом росте стран – экспортеров нефти Ближнего Востока и Северной Африки, и других стран – экспортеров нефти (за исключением США, Норвегии) оказываются намного более существенными, чем потери от кризиса промышленно-развитых стран [16. С. 1–4].

Падение и нестабильность мировых цен на нефть в условиях развития мировой экономики в 2014–2019 гг., безусловно, поставили вопросы ускорения перестройки экономических структур в странах – экспортерах нефти, попадающих под определение государств с «рентной экономикой», или близких к данной структуре хозяйства (прежде всего по доле доходов от нефти, или от нефти и газа, в государственных доходах). Правда, представляется, что важно учитывать и другой немаловажный макроэкономический показатель – долю нефтяного и нефтегазового сектора в формировании ВВП. Более низкая доля этого индикатора при межстрановом сравнении свидетельствует о более масштабном и устойчивом характере диверсификации экономики. Разумеется, что, несмотря на достаточно невысокий показатель доли нефтегазовых доходов в ВВП России, по официальным оценкам, 7,4% в 2018 г. и 7,8 в 2019 г. (Табл. 2), для России последнее падение цен на нефть оказалось весьма чувствительным, так как издержки добычи намного выше, чем в Персидском заливе. Кроме того, положительный показатель более низкой доли нефти и газа в ВВП по сравнению с другими странами – экспортерами нефти, еще не дает гарантию возможности стремительной замены нефтяных или нефтегазовых источников государственных доходов на альтернативные, тогда как государственные доходы являются важнейшим механизмом стабилизации и развития экономики и социальной сферы. Резервные финансовые фонды также имеют большое значение в качестве «подушки безопасности» в условиях резкого падения текущих доходов от нефти и газа, однако подвержены исчерпаемости.

Традиционные и достаточно быстро реализуемые механизмы стабилизации экономики стран – экспортеров нефти в условиях падения цен на нефть широко известны еще с 1980-х гг. В этом аспекте на макроуровне есть две основных модели антикризисного управления в кратко- и среднесрочном периоде. Одна модель является внутренне ориентированной и предполагает более эффективное использование самой природной ренты (т.е. доходов от нефти и газа), параллельно с мерами экономии (масштабы которых зависят от величины падения нефтегазовых доходов). Вторая модель – внешне ориентированная, нацелена на диверсификацию источников формирования доходов от природной ренты и изыскание новых источников доходов за рубежом. В арабских странах – экспортерах нефти данная антикризисная модель управления включила в себя изыскание новых источников привлечения капитала на мировых финансовых рынках, что вызывало увеличение бремени внешнего долга как негативный фактор [16. С. 11]. Поэтому данная модель была дополнена политикой приватизации с расширением допуска иностранных инвесторов, хотя эта политика ведется осторожно (что видно на примере недавней приватизации в компании Saudi ARAMCO).

Более новым направлением антикризисной политики в условиях падения цен на нефть выступает реорганизация суверенных фондов с целью более эффективного размещения «нефтедолларов» и инвестирования части

этих финансовых средств в развитие эффективных и инновационных экономических проектов. Это наблюдается на примере реорганизации финансового института Public Investment Fund в Саудовской Аравии, и на примере функционирования РФПИ в Российской Федерации.

Надо отметить, что диверсификация источников дохода от природной ренты начинается с географической диверсификации экспорта, к которой прибегают Саудовская Аравия, ОАЭ, Россия и другие экспортеры нефти (в частности, переориентация экспортных направлений и мощностей на страны Азии, АТР, прокладка новых нефте- и газопроводов («Сила Сибири», «Турецкий поток» и др.). Однако в долгосрочном аспекте ослабление зависимости от нефтегазовой ренты возможно только на путях глубокой экономической диверсификации, которая обеспечит создание основного дохода в ненефтяных секторах экономики, но без постоянного перераспределения в них субсидий от нефтяной ренты. К таким ненефтяным секторам относятся перерабатывающая промышленность, инновационные сектора в сфере услуг. Нефтехимия также не относится к экспорту сырой или очищенной нефти, поэтому роль этой индустрии в диверсификации экономики стран – экспортеров нефти высокая. Так, меры по совершенствованию и расширению ассортимента нефтехимических производств, газопереработки позволили Саудовской Аравии выйти на место первого в мире производителя полиэтилена и второго в мире производителя метанола. Компания Saudi ARAMCO создала совместно с японской компанией Sumimoto совместное предприятие по производству новейшей нефтехимической продукции для реализации на Дальнем Востоке, с капиталом более 10 млрд долл., и совместное предприятие с Dow Chemicals с капиталом 20 млрд долл. Инновационным направлением для этой страны с узкой природно-ресурсной базой стало заложение основ мирной атомной энергетики в Городе атомной и возобновляемой энергетики им. короля Абдаллы [17. С. 5–7].

Отстаивание своих интересов на мировом рынке нефти, прежде всего уровня цен на нефть и доходов от нефти, тем не менее, в последнее время объединило почти все страны – экспортеры нефти, кроме США и Норвегии. Саудовская Аравия сблизилась с Россией в интересах воздействия на мировой рынок нефти. С начала 2017 г. относительно успешно действует Соглашение ОПЕК+ (Соглашение стран – членов ОПЕК и ряда стран, не входящих в ОПЕК, о сокращении добычи нефти для стабилизации рынка). В конце 2016 г. страны ОПЕК+ договорились о сокращении добычи нефти на 1,8 млн баррелей нефти в сутки от уровня октября 2016 г., в том числе Россия обязалась сократить добычу на 0,3 млн барр. в сутки. Первое соглашение ОПЕК+ вступило в силу с начала 2017 года и два раза продлевалось, последний раз – до конца 2018 года.

В декабре 2018 г. страны ОПЕК+ договорились о сокращении добычи нефти в первом полугодии 2019 г. на 1,2 млн барр. в сутки по сравнению с октябрём 2018 г. [18]. 2 июля 2019 г. соглашение было продлено на тех же

условиях еще на 9 месяцев, до 31 марта 2020 г. Страны ОПЕК+ закрепили намерение сотрудничества на долгосрочной основе, подписав хартию. В конце 2019 г. было объявлено, что страны–участницы сделки ОПЕК+ с 1 января 2020 года дополнительно сократят суточную добычу нефти на 503 тыс. баррелей, как следует из коммюнике ОПЕК. В том числе обязательства стран ОПЕК по снижению добычи вырастут на 372 тыс. баррелей в сутки, «не ОПЕК» – на 131 тыс. баррелей. Газовый конденсат был исключен из базы расчета квоты в сделке ОПЕК+. Цены на нефть Brent и WTI начали расти на фоне новостей о решениях по сделке ОПЕК+. В результате квота сокращения Саудовской Аравии составила 498 тыс. баррелей в сутки (+167 тыс. баррелей), квота России в первом квартале 2020 года достигнет 300 тыс. баррелей в сутки (+70 тыс. баррелей), Квота ОАЭ составит 156 тыс. баррелей в сутки, Кувейта – 140 тыс. баррелей, Ирака – 191 тыс. баррелей, Нигерии – 74 тыс. баррелей, Алжира – 44 тыс. баррелей, Казахстана – 57 тыс. баррелей, Мексики – 58 тыс. баррелей, Омана – 34 тыс. баррелей. Общее сокращение добычи ОПЕК+ в 2020 г. должно достигнуть 2,1 млн баррелей в сутки [19].

Таким образом, в условиях последних тенденций на мировом рынке нефти, когда на 2020 г. большинством экспертов прогнозировалось скромное значение средних цен на нефть около 60 долл. за баррель, перед многими странами – экспортерами нефти стоит цель приближения к порогу, за которым на базе устоявшихся теорий «рентной экономики» экономика перестает быть «рентной». Естественно, что, с одной стороны, первым и наиболее реализуемым механизмом решения данной цели выступает продолжение корректировки финансового механизма с увеличением доли ненефтяных доходов государства, но данная сфера является весьма чувствительной, а также связана с общими возможностями диверсификации экономики. Реализация политики увеличения доли ненефтяных доходов, несомненно, будет предполагать балансирование между нефтяными (нефтегазовыми) и ненефтяными доходами с учетом состояния внешнеэкономической конъюнктуры. Так, например, совершенно разные налоговые системы у Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Кувейта, Омана, Бахрейна, где до сих пор нет подоходного налога с физических лиц, и только недавно введен НДС в 5%, и в экспортирующей нефть России или в экспортирующей нефть Норвегии, где налоги на физических лиц выше, чем в России, однако заработная плата несопоставима с российской.

С другой стороны, диверсификация экономической структуры с расширением устойчиво рентабельной экономической деятельности в ненефтяных секторах экономики является важнейшим механизмом сокращения «рентного» характера хозяйства, наращивание диверсификации зависит как от использования финансовых инструментов экономической политики, так и от правовых, управленческих, институциональных составляющих стратегии развития. Однако, наряду с потребностью ухода от «рентной составляющей»

развития, необходим сбалансированный подход к перестройке хозяйственной структуры, так как экономическая система стран – экспортеров нефти опирается на доходы от природно-ресурсной базы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Hossein M. “The Pattern and Problems of Economic Development in Rentier States: The Case of Iran”, in *Studies in the Economic History of Middle East*, ed. M.A Cook (Oxford: Oxford University Press, 1970).
- [2] Beblawi H., Luciani G. *The Rentier State*, London. Ney York. Croom Helm, 1987.
- [3] Malik Adeel. “Rethinking the Rentier Curse” in G. Luciani (ed.). “Combining Economic and Political Development: The Experience of MENA”, *International Development Policy series 7*, 2017 (Geneva: Graduate Institute Publications, Boston: Brill-Nijhoff).
- [4] S. Erdem Aytac., Michael Mousseau., Omer Faruk Orsun Why some countries are immune from the resource curse: The role of economic norms. *Democratization*, 2016. Vol. 23, No. 1, pp. 71–92, URL: <http://dx.doi.org/10.1080/13510347.2014.964216>. Дата обращения: 18.06.2019.
- [5] Fakhraei P. *Examining Rentier State. Theory in the Case of Iran before and after Revolution*. Thesis. Master of Political Science/ Public Policy and Governance. June 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/328927002_Examining_rentier_state_theory_in_the_case_of_Iran_before_and_after_revolution. Дата обращения: 18.06.2019.
- [6] Benli Altunışık, Meliha. “Rentier State Theory and the Arab Uprisings: An Appraisal”, *Uluslararası İlişkiler*. Volume 11, No. 42 (Summer 2014), pp. 75-91.
- [7] Qasem Islam Yasin Neo-Rentier Theory: The Case of Saudi Arabia (1950-2000). Doctoral thesis. Damask, 2010. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/14746/doctoral%20thesis.PDF?sequence=1>. Дата обращения: 18.06.2019.
- [8] Rutledge, Emilie *The Rentier State/Resource Curse narrative and the state of the Arabian Gulf*. UAEU. MPRA Paper No. 59501, posted 01 Nov 2014 09:43 UTC. URL: <https://mpa.ub.uni-muenchen.de/59501/>. Дата обращения: 18.06.2019.
- [9] Motevalian Dena *Oil Revenues and Rentier States. How did Economic Sanctions and Subsidy Reforms Affect Iranian Lower-Middle Class During the Presidency of Ahmadinejad in Iran?* URL: <http://jpinyu.com/wp-content/uploads/2017/05/Oil-Revenues-and-Rentier-States.pdf> . Дата обращения: 18.06.2019.
- [10] Rutledge, Emilie *The Rentier State/Resource Curse narrative and the state of the Arabian Gulf*. UAEU. MPRA Paper No. 59501, posted 01 Nov 2014 09:43 UTC. URL: <https://mpa.ub.uni-muenchen.de/59501/> . Дата обращения: 19.06.2019.
- [11] *Saudi Oil Company Named World’s Most Profitable Business*. The Gurdian. April 1, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/business/2019/apr/01/saudi-aramco-oil-world-most-profitable-business-apple-exxon> . Дата обращения: 18.06.2019.
- [12] Hartley P.R., Medlock K.B. *Changes in the Operational Efficiency of National Oil Companies*. Rice University and University of Western Australia. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/d2ab/6fa3d32f441f8663effc9d9d556a6eb054b3.pdf>. Дата обращения: 19.06.2019.
- [13] Gray Matthew *A Theory of “Late Rentierism” in the Arab States of the Gulf*. 2011 Center for International and Regional Studies. Georgetown University School of Foreign Service in Qatar. Occasional Paper No. 7. URL: <https://repository.library>.

- georgetown.edu/bitstream/handle/10822/558291/CIRSOccasionalPaper7MatthewGraу2011.pdf . Дата обращения: 19.06.2019.
- [14] Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов (утв. Министерством финансов Российской Федерации). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308390/. Дата обращения: 19.06.2019.
- [15] Inflationary Trends in Saudi Arabia. KPMG in Saudi Arabia. August, 2019.
- [16] Meissner H., Martina-David E., Leitner J. Resource Driven Growth in Azerbaijan and Russia – Changes and Risks in Times of Economic Crisis. 9th International ASECU Conference on “Systemic Economic Crisis: Current Issues and Perspectives. Vienna. URL: http://www.asecu.gr/files/9th_conf_files/meissner-david-and-leitner.pdf. Дата обращения: 19.06.2019.
- [17] Sez nec Jean-François Saudi Energy Changes The End of the Rentier State? Atlantic Council Global Energy Center. March 2016, Washington, DC 2005. URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2016/03/Saudi_Energy_Changes_web_0323.pdf . Дата обращения: 21.06.2019.
- [18] BP Statistical Review of World Energy 2019: an unsustainable path. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-statistical-review-of-world-energy-2019.html>. Дата обращения: 21.06.2019.
- [19] ТАСС. 17.12.2019. URL.: <https://tass.ru/ekonomika/7285787>. Дата обращения: 21.06.2019.

Информация об авторе:

Гукасян Гурген Левонович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (РУДН) (ORCID ID: 0000-0001-5930-6870) (e-mail: gukasyan.gurgen@yandex.ru, gukasyan_gl@pfur.ru)

Research article

The State and the “Rentier Economy” in Oil Exporting Countries

G.L. Ghukasyan

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Ulitsa Rozhdestvenka str., 12, Moscow, Russian federation 107031

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation 117198

In the new foreign economic conditions that have arisen as a result of a significant deformation of the cyclical dynamics of the world oil market, the views on the model of the so-called “rentier state” and “rentier economy” that apply to oil exporting countries in Asia, Africa, Latin America, and also to the states of the post-Soviet space, including the Russian Federation, Kazakhstan, Azerbaijan and Turkmenistan, are of certain interest. For these states, in the face of declining oil export revenues, the question of changing the “rentier model” of development is relevant. At the same time, the recommendations of foreign authors are not ac-

ceptable in many aspects, but their analysis allows us to approach problems of overcoming the “raw nature” of the economy more comprehensively.

Keywords: “rentier state”, “rentier economy”, oil exporting countries, world oil market, paternalism, stability, diversification, non-oil sector, economic structure, budget

REFERENCES

- [1] Hossein M. “The Pattern and Problems of Economic Development in Rentier States: The Case of Iran”, in *Studies in the Economic History of Middle East*, ed. M.A Cook (Oxford: Oxford University Press, 1970).
- [2] Beblawi H., Luciani G. *The Rentier State*, London. Ney York. Croom Helm, 1987.
- [3] Malik Adeel. “Rethinking the Rentier Curse” in G. Luciani (ed.). “Combining Economic and Political Development: The Experience of MENA”, *International Development Policy series 7*, 2017 (Geneva: Graduate Institute Publications, Boston: Brill-Nijhoff).
- [4] S. Erdem Aytac., Michael Mousseau., Omer Faruk Orsun. Why some countries are immune from the resource curse: The role of economic norms. *Democratization*, 2016. Vol. 23, No. 1, pp. 71–92, URL: <http://dx.doi.org/10.1080/13510347.2014.964216> . Accessed: 18.06.2019.
- [5] Fakhraei P. Examining Rentier State. Theory in the Case of Iran before and after Revolution. Thesis. Master of Political Science/ Public Policy and Governance. June 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/328927002_Examining_rentier_state_theory_in_the_case_of_Iran_before_and_after_revolution. Accessed: 18.06.2019.
- [6] Benli Altunışık, Meliha. “Rentier State Theory and the Arab Uprisings: An Appraisal”, *Uluslararası İlişkiler*. Volume 11, No. 42 (Summer 2014), pp. 75-91.
- [7] Qasem Islam Yasin. *Neo-Rentier Theory: The Case of Saudi Arabia (1950-2000)*. Doctoral thesis. Damask, 2010. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/14746/doctoral%20thesis.PDF?sequence=1>. Accessed: 18.06.2019
- [8] Rutledge, Emilie. The Rentier State/Resource Curse narrative and the state of the Arabian Gulf. UAEU. MPRA Paper No. 59501, posted 01 Nov 2014 09:43 UTC. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/59501/>. Accessed: 18.06.2019.
- [9] Motevalian Dena. Oil Revenues and Rentier States. How did Economic Sanctions and Subsidy Reforms Affect Iranian Lower-Middle Class During the Presidency of Ahmadinejad in Iran? URL: <http://jpinyu.com/wp-content/uploads/2017/05/Oil-Revenues-and-Rentier-States.pdf> . Accessed: 18.06.2019.
- [10] Rutledge, Emilie. The Rentier State/Resource Curse narrative and the state of the Arabian Gulf. UAEU. MPRA Paper No. 59501, posted 01 Nov 2014 09:43 UTC. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/59501/>. Accessed: 19.06.2019.
- [11] Saudi Oil Company Named World’s Most Profitable Business. *The Gurdian*. April 1, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/business/2019/apr/01/saudi-aramco-oil-world-most-profitable-business-apple-exxon>. Accessed: 19.06.2019.
- [12] Hartley P.R., Medlock K.B. Changes in the Operational Efficiency of National Oil Companies. Rice University and University of Western Australia. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/d2ab/6fa3d32f441f8663effc9d9d556a6eb054b3.pdf>. Accessed: 19.06.2019.
- [13] Gray Matthew. A Theory of “Late Rentierism” in the Arab States of the Gulf. 2011 Center for International and Regional Studies. Georgetown University School of Foreign Service in Qatar. Occasional Paper No. 7. URL: <https://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/558291/CIRSOccasionalPaper7MatthewGray2011.pdf>. Accessed: 19.06.2019.

- [14] “The main directions of the budget, tax and customs tariff policy for 2019 and for the planning period of 2020 and 2021 anniversaries” (approved by the Ministry of Finance of the Russian Federation.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308390/. Accessed: 19.06.2019.
- [15] Inflationary Trends in Saudi Arabia. KPMG in Saudi Arabia. August, 2019.
- [16] Meissner H., Martina-David E., Leitner J. Resource Driven Growth in Azerbaijan and Russia – Changes and Risks in Times of Economic Crisis. 9th International ASECU Conference on “Systemic Economic Crisis: Current Issues and Perspectives. Vienna. URL: http://www.asecu.gr/files/9th_conf_files/meissner-david-and-leitner.pdf. Accessed: 19.06.2019.
- [17] Seznec Jean-François. Saudi Energy Changes The End of the Rentier State? Atlantic Council Global Energy Center. March 2016, Washington, DC 2005. URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2016/03/Saudi_Energy_Changes_web_0323.pdf. Accessed: 19.06.2019.
- [18] BP Statistical Review of World Energy 2019: an unsustainable path. <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-statistical-review-of-world-energy-2019.html>. Accessed: 21.06.2019.
- [19] TASS. 17.12.2019. <https://tass.ru/ekonomika/7285787>. Accessed: 21.06.2019.

Information about the author:

Ghukasyan Gurgen Levonovich – Phd in Economics, Senior Researcher of Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, associate professor of the Department of State and Municipal Management, Faculty of Humanitarian and Social Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN university). 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow 117198, (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-5930-6870) (e-mail: gukasyan.gurgen@yandex.ru, gukasyan_gl@pfur.ru)